
Н. Р. Добрушина

**НАКЛОНЕНИЯ И ДИСКУРСИВНЫЙ
РЕЖИМ ТЕКСТА
НА ПРИМЕРЕ УПОТРЕБЛЕНИЙ
ЧАСТИЦЫ *ПУСТЬ***

В лингвистике накоплено немало сведений о том, как отражается дискурсивный режим текста на употреблении видовременных форм. Существуют граммы, ограниченные употреблением лишь в определенном режиме; другие могут встречаться в текстах разного типа, однако их интерпретация при этом меняется.

Между тем никто, насколько нам известно, не исследовал с этой точки зрения взаимодействие типа дискурса и наклонений.

Можно предположить, что существуют наклонения, которые характерны исключительно для диалога. В первую очередь это так называемые локутивные модальности¹, то есть те, которые выражают коммуникативные намерения или желания говорящего: императивы разных типов, превентив, нонкуратив, оптатив и некоторые другие.

В самом деле, прототипический императив предполагает прямое обращение говорящего к слушающему. Оптатив, являясь средством выражения желания говорящего, тоже привязан к ситуации непосредственного общения, поскольку обозначает спонтанную эмоцию говорящего, которая высказывается, как правило, в присутствии собеседника. Эти модальные формы или конструкции употребляются

---

¹ Speaker-oriented в терминологии [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994].

тогда, когда говорящий и слушающий находятся в непосредственном контакте, в одном пространстве и времени, то есть, пользуясь принятым термином, когда имеет место каноническая речевая ситуация. Такой режим называют речевым или диалогическим (Падучева 1996: 13); мы будем пользоваться последним термином, поскольку для рассматриваемых нами наклонений существенно именно наличие диалога — то есть обмена репликами и/или действиями говорящего и адресата. Напротив, использование этих наклонений в нарративе, где говорящий удален от адресата, маловероятно. Ср.: «Показатели коммуникативного намерения... относятся к классу первичных эгоцентрических элементов: они функционируют в канонической речевой ситуации, т. е. предполагают не только говорящего, но и адресата» (Падучева 1996: 302).

В то же время существуют наклонения, употребление которых не должно зависеть от дискурсивного режима. Это те наклонения, которые не связаны с фигурой говорящего, а выражают объективную оценку ситуации. Наиболее распространенной в языках мира граммемой этого типа является ирреалис (иногда называемый субжонктивом, конъюнктивом, кондиционалисом и т. д.). Такие формы можно встретить как в нарративах, так и в диалогических текстах, хотя конкретные употребления этого наклонения могут зависеть от типа текста. Так, ирреалис нередко имеет оптативное значение, и в этом значении его можно ожидать лишь в текстах диалогического типа.

Разобраться с тем, как именно употребление наклонений зависит от дискурсивного режима — дело будущего; в этой статье мы ограничимся лишь одним примером, подтверждающим нашу гипотезу.

Формы императива, как это хорошо известно, неоднородны. Прототипической формой императива является побуждение ко 2-му лицу (*Уходи*). Помимо императива 2-го лица, существуют формы (а в случае русского языка скорее конструкции), выражающие побуждение к 1-му лицу множественного числа (*Давай сходим*) и к 3-му лицу (*Пусть уходит*). Конструкции с *пусть* и станут предметом нашего исследования.

Будучи весьма частотной, частица *пусть* выражает довольно широкий круг значений. Поскольку *пусть* в значении императива является формой косвенного побуждения (произносится в отсутствии

адресата, а помимо косвенного побуждения, имеет широкий круг других употреблений), можно было бы предположить, что ее использование не в такой степени завязано на диалогическом режиме. Однако, как показывает наш материал, для употребления императивов не-второго лица режим имеет не меньшее значение, чем для императива 2-го лица.

Перечислим для начала типичные значения *пусть* в современных текстах ².

Русская частица *пусть* употребляется в следующих контекстах ³.

1. Косвенная каузация, или императив 3-го лица. Говорящий пытается самым фактом своего высказывания каузировать отсутствующего в ситуации общения участника совершить некоторое действие, способствовать осуществлению некоторой ситуации.

Обращайтесь к представителям вашего лесничества, а они, в свою очередь, **пусть** звонят в Центр защиты леса Московской области. [Как победить корою // «Аргументы и факты / Москва», 2001.06.06] ⁴

Заметим, что, наряду с очевидными контекстами косвенного побуждения (как в приведенном примере), существует большое количество промежуточных случаев. *Пусть* широко употребляется в конструкциях, где поверхностным субъектом является нечто неодушевленное, что каузируемым быть не может:

---

² Заметим, что более детальное исследование привело бы к выделению большего количества значений *пусть*; мы ограничились той степенью подробности, которой достаточно для данной работы.

³ Набор значений, характерных для русской частицы *пусть*, не является уникальной особенностью русского языка. Во многих языках мира существует граммема с похожим, хотя и необязательно полностью совпадающим набором значений. В некоторых языках, как в русском, эти значения выражаются частицей; в других – специальным наклонением (агульский, арчинский, хакасский, балкарский и многие другие).

⁴ Здесь и далее использованы примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). В тех случаях, когда для исследования необходимы были тексты полностью, использовалась поисковая система Яндекс-Новости.

— Я фен вот сюда положила / смотри / чтоб ты знала. — Да / вижу. — И утюжок **пусть** тут лежит. — Угу. [разговоры в доме отдыха, 1991—1999]

На самом деле эффект окажется противоположным: ультранационалистические антироссийские силы наберут в этих странах еще большую силу, положение наших соотечественников еще ухудшится, сами Латвия, Литва и Эстония станут еще более агрессивными проводниками недружественных России интересов внутри ЕС, НАТО и на постсоветском пространстве. Так что в части, касающейся истории, **пусть** действуют объективный научный подход и христианский догмат освобождения детей от ответственности за вину отцов.

Конструкции с *пусть*, таким образом, часто имеют своим референтом не конкретное действие, имеющее конкретного исполнителя, которого следует каузировать (*пусть родители придут в школу* = я каузирую тебя, чтобы ты каузировал родителей прийти в школу), а ситуацию, у которой в принципе нет определенного исполнителя, а есть лишь некоторая совокупность факторов, которые могут быть причиной ее реализации. Высказывание с *пусть* является в этом случае не актом каузации конкретного лица, а актом каузации, так сказать, вообще мира. Такого рода контексты в рамках этой статьи мы будем тоже считать побудительными.

2. Оптативное *пусть*: говорящий хочет, чтобы осуществилась некоторая ситуация, которая не зависит ни от чьей воли, и пытается самым фактом своего высказывания каузировать осуществление этой ситуации.

Пусть за праздничным столом рядом будут близкие люди!
[У кольца нет начала и нет конца... // «Наука в Сибири», 2002.07.04]

Пусть количество осмысленных читателей поэзии пастернаковского калибра не уменьшается. [Архип Ангелевич, Семен Новопрудский. В «Известиях» Пастернака читали. И не только его // «Известия», 2002.02.15]

3. Пермиссивное *пусть*: говорящий разрешает 3-му лицу совершить некоторое действие.

— Ладно, **пусть** сидит вместе с нами, — согласились все. [Михаил Молюков. Кто самый ушастый // «Трамвай», № 10, 1990]

4. *Пусть* безразличия (нонкуративное): говорящий пытается своим фактом своего высказывания допустить существование ситуации Р, выражает свое безразличие к ней.

Пусть ездят на дорогих машинах, мне, честно говоря, все равно. [Александр Богомолов. Государственная машина. У российских депутатов угоняют только дорогие автомобили // «Известия», 2003.01.09]

Так, может, ну их, так, может, **пусть**? [Аркадий Инин. Женщина и деньги (1997)]

5. *Пусть* предположения: говорящий пытается своим фактом своего высказывания каузировать слушающего считать ситуацию Р существующей, истинной.

Пусть имеется несколько многоугольников, у которых каждая сторона отождествлена с одной и только одной стороной того же или другого многоугольника этой совокупности [Н. П. Долбин. Жемчужины теории многогранников (2000)]

6. *Пусть* уступки.

Мужчина ревнует по вполне конкретному, **пусть** иногда и ошибочному, поводу. [Аркадий Инин. Женщина и ревность (1997)]

Пусть он не может прожить свою жизнь достойно, зато эффективно умирать он вполне научился. [Прохор Копылов. Любовь и бедность. В субботу начнется предпоследний тур чемпионата России по футболу // «Известия», 2002.11.08]

Рассмотрим для начала употребление *пусть* в устной речи, точнее, в том корпусе устной речи, который имеется на сайте guscoro.ru. К сожалению, пока этот корпус содержит преимущественно

публичные устные тексты, то есть записи разного рода дискуссий на радио, интервью и т. д., однако имеется и небольшое количество бытовых диалогов.

Ниже приведена таблица статистических данных относительно того, какова частотность употребления разных значений *пусть* в корпусе устных текстов.

Употребление *пусть* в корпусе устной речи (ruscorpora.ru)

всего документов	всего найденных контекстов	императив	нонкуратив	пермиссив	оптатив	предположение	уступка	всего посчитанных контекстов
686	1000	65	11	—	2	2	22	102

Как мы видим, наиболее частыми являются побудительные употребления (в широком смысле), нередки и уступительные контексты. Приведем примеры разных значений *пусть* в устной речи.

п о б у д и т е л ь н о е

— Не выключали / потому что когда Артема дома нет / а вдруг он звонит что-то. Выключаем / когда уже все дома. — **Пусть** он Наташке на мобильник звонит. — Ну / потом уже / я так подумала. Отключили в одиннадцать / если что / **пусть** Наташе звонит. [Разговор трех женщин, Московская область, август 2005]

о п т а т и в н о е

Вы растите наше будущее / поэтому я вас поздравляю с праздником / **пусть** все у вас сложится в новом году хорошо. [Беседа о проблемах школьного образования в эфире радиостанции «Эхо Москвы», Москва, 2003—2004]

п е р м и с с и в н о е

— Здесь некоторые, — смотрит на приехавших на выходные родственников, — за грибами собрались. — **Пусть** идут. — А мы тогда обед готовить. — Идет. [Разговоры на даче, 2000—2003]

н о н к у р а т и в н о е

А что же / почему-то наши журналисты все время говорят только двумя предложениями / или пугают революцией / или оставлять все как есть / **пусть** они грабят и вывозят за рубеж. Есть же еще варианты. [Владимир Жириновский. Беседа В. Жириновского со слушателями радиостанции «Эхо Москвы», Москва, 2003—2004]

п р е д п о л о ж е н и я ⁵

У нас сегодня худо-бедно действуют 15 тысяч СМИ. Зарегистрировано 39 тысяч / но реально действуют 15 тысяч. Среди них **пусть** 5 тысяч имеют отношение к выборам. Специализированные журналы отбрасываем / спортивные каналы отбрасываем / ну / 5 тысяч будет. Вы можете себе представить? Во-первых / сделать контент-анализ и нормальный мониторинг всей печатной прессы. [Беседа с журналистами в эфире радиостанции «Эхо Москвы», Москва, 2003—2004]

у с т у п к и

Ясно / что она сильно «просела» из-за отсутствия денег / из-за отъезда людей. Насколько? Насколько это необратимо? Сможет ли она восстановиться до былого или **пусть** какого-то другого более низкого уровня? Ясно / что на этот вопрос ответить точно не может никто. Поэтому / просто выскажите ваши ощущения. № 3 [Телепередача «Наука в России и в Троицке: значение, состояние, перспективы», Троицк Московской обл., 2004.02.04]

Обратимся теперь к письменной публицистической речи. Публицистика обладает определенными особенностями по сравнению со многими другими письменными жанрами. Публицистика не может представлять собой традиционный нарратив, потому что коммуникативность, то есть наличие конкретных коммуникативных намерений, в публицистических текстах присутствует всегда. Задача воздействия, убеждения — основная для практически любой публицистики. Ее можно рассматривать таким образом как своего рода промежуточный тип текста между устной речью и собственно нарративом.

---

⁵ Так назван этот тип императивных контекстов в работе [Гусев 2004].

Приведенная ниже статистика основана на подкорпусе публицистики за 2000—2006 гг.

Употребление *пусть* в подкорпусе публицистики за 2000—2006 гг.

всего документов	всего найденных контекстов	императив	нонкуратив	пермиссив	оптатив	предположение	уступка	всего посчитанных контекстов
2545	3000	41	3	—	25	—	31	100

Обращает на себя внимание более низкая частотность употребления *пусть*: 1000 контекстов на 686 документов в устной речи, 3000 на 2545 документов — в публицистической. Несколько иным является и соотношение разных значений *пусть*. В публицистике оказалось существенно больше оптативных контекстов, больше уступительных, но меньше императивных и нонкуративных.

Рассмотрим контексты, в которых можно найти эту частицу.

Следующий пример демонстрирует значение косвенной каузации. Характерно, что *пусть* появляется в контексте прямой речи, то есть тогда, когда в информационной заметке цитируется высказывание одного из персонажей.

побудительное *пусть*

Власти Калифорнии во вторник приняли решение, обязывающее госслужащих в рабочее время прикрывать свои татуировки и снимать предметы пирсинга на рабочем месте. Им также запрещается носить футболки и джинсы с логотипами других фирм, передает «Газета.ru». «Если мы будем вынуждены прикрывать татуировки, **пусть** нам дают бинты. Тогда мы будем похожи на получивших ожоги», — говорит местная служащая офиса.

Пусть косвенного побуждения часто встречается в интервью. Представляя информацию в виде диалога, журналисты сохраняют многие свойства текста, характерные именно для диалогического

режима. Поскольку интервью является попыткой передать на письме непосредственное общение двух собеседников, то в нем можно встретить все приемы прямой апелляции к слушающему: формы 2-го лица, вопросы, побуждения. «Диалогические» наклонения существуют в этих текстах на совершенно законных основаниях. Например:

побудительное пусть

...В это время газовики в 50-градусные морозы спокойно выполняли свои трудовые обязанности. И газ шел без каких-либо чрезвычайных происшествий, хотя на самом деле это ежедневный подвиг. Если кто считает, что это не так, **пусть** попробует приехать в разгар зимы, в любую точку Севера, в 53 градуса и попробует поработать с замерзшим железом, и тогда будем говорить, достойны газовики высокой заработной платы или не достойны? [Из интервью с заместителем председателя «Нефтегазстройпрофсоюза» Евгением Черепановым]

Анализ использования побудительного *пусть* в публицистике показывает, что этот тип частицы *пусть* встречается тогда, когда в письменном тексте в той или иной форме присутствует прямая речь. То же самое касается и некоторых других значений *пусть*, а именно оптативного, нонкуративного и пермиссивного; впрочем, последнее нехарактерно для публицистики вообще в силу своего значения. *Пусть* предположения нам тоже в публицистике не встретилось, хотя понятно, что его употребление возможно.

нонкуративное пусть

Встреча глав военных ведомств государств — членов НАТО не принесла сюрпризов. Североатлантический альянс ищет свое место в быстро меняющемся мире. Процесс трансформации идет на глазах — от чисто оборонного блока к мировому полицейскому. Сегодня альянс волнует не столько то, что творится возле его собственных границ, сколько страны весьма отдаленные: Афганистан, Ирак, Судан. Россию это устраивает. Сергей Иванов не скрывает, что рад такому развитию событий: «**Пусть** делают что хотят, лишь бы к нам не лезли...». (Известия.ру. 13.02.06)

оптативное *пусть*

11 февраля, в первый стартовый день Олимпийских игр, в Советском районе Нижнего Новгорода состоялся массовый спортивный праздник «Лыжня зовет — 2006». [...] По словам лидера нижегородских партийцев, знаменательно, что такой массовый праздник прошел в один день с началом Олимпиады. «Это здорово, что нас всех объединяет спорт и один из самых популярных и активный его видов — лыжные гонки. Этот год объявлен годом развития детско-юношеского спорта, **пусть** он принесет нам множество ярких спортивных мероприятий и побед, **пусть** все мы проведем его активно и с пользой для здоровья», — отмечает Евгений Люлин. (edinros.ru, 13.02.2006)

Итак, побудительные, неконкурентивные и оптативные *пусть*, как это следует из материалов публицистики, являются диалогическими. В нарративе такие употребления *пусть* могут встретиться лишь при синтаксическом режиме интерпретации (термин Е. В. Падучевой), то есть таком, при котором эгоцентрический элемент входит в состав предикации, подчиненной глаголу мысли, речи или чувства: «*Британский посол встретился с замглавы МИД Узбекистана и посетовал, что раз уж они так далеко, то пусть власть лучше освещает эту проблему*» (www.utro.ru/articles/2005/05/16). Кроме этого случая, диалогические *пусть* употребляются только тогда, когда в нарративе возникают «островки» диалогической речи.

Помимо прямого цитирования речи персонажей, в публицистике существуют еще некоторые возможности переключения на диалогический режим. Так, встречается своего рода скрытая прямая речь: это мимезис, игра в чужую речь, когда автор, не используя ни кавычек, ни каких-либо других средств маркирования чужой речи, воспроизводит речь кого-то из своих персонажей. Этот режим тоже обладает признаками диалогического и, в частности, допускает употребление диалогических наклонений. Приведем пример.

А Бенни тем временем продолжал пить. Он, как и прежде, ходил в дешевые забегаловки, одевался на распродажах и дарил девушкам, которых водил домой, огромные флаконы отвратительных духов, купленных на складе со скидкой. Какое ему дело до того,

что на счету у него больше десяти миллионов? Зачем они ему, если пуританская английская публика отвернулась от него, если он больше не нужен тем, кого веселил на протяжении 20 лет? Не успокаивало даже признание великого Чарли Чаплина — в последние годы жизни великий актер всегда держал при себе касеты с программами Хилла... Конец игры... Вскоре и компания «Thames Television» объявила Бенни, что больше в его услугах не нуждается, продолжая тем не менее зарабатывать приличные деньги от продаж его программ в Америку и другие страны. В отличие от консервативной Великобритании либеральный Новый Свет восхищался Хиллом. А что оставалось делать самому комику, лишенному своего детища? Он даже не стал составлять завещания. **Пусть** наследники дерутся за деньги сами, без его участия. Проводя все дни перед телевизором, Хилл развлекал себя неумеренной едой и выпивкой. Не замедлили появиться и проблемы с сердцем. Когда болезнь стала прогрессировать, врачи предложили Бенни сделать коронарное шунтирование, но он отказался, тем самым решив для себя, жить ему или нет... (АиФ. Суперзвезды. Культура.)

В этом тексте автор явным образом в некоторые моменты меняет точку зрения с позиции объективного повествователя на точку зрения персонажа; в этом случае побудительная конструкция с *пусть* оказывается приписана самому персонажу (Бенни Хиллу). Это он говорит: **Пусть наследники дерутся за деньги сами...**

Имеется, однако, еще одна весьма распространенная стратегия построения публицистического текста. Ее можно назвать **псевдиалогической**, поскольку повествование в подобных текстах организовано так, как будто автор общается со своим адресатом непосредственно. Автор письменного текста, построенного по этой стратегии, моделирует ситуацию прямого диалога с читателем. Ср. высказывание М. М. Бахтина: «Очень часто говорящий (или пишущий) в пределах своего высказывания ставит вопросы, сам на них отвечает, возражает себе самому и сам же свои возражения опровергает. Но эти явления не что иное, как условное разыгрывание речевого общения и первичных речевых жанров» (Бахтин 1979: 251).

Такой текст имеет много черт, характерных для непосредственного общения. Например, он часто содержит первое лицо повествователя: *«Нельзя переоценивать роль личности в истории. Я думаю, что и Джордж Буш-младший лишь частично несет ответственность за нынешнюю трагедию, иракскую, конца которой не видно»* (Daily Russian American Newspaper on the Web 05.19.2005). Для текстов этого типа характерна имитация разговорного стиля (предложения могут начинаться с подчинительного союза: *Потому что...*); такие тексты часто отличаются разнообразием речевых конструкций, создающим иллюзию живого разговора; в них присутствуют прямые обращения к читателю в виде вопросов, побуждений и высказываний, содержащих второе лицо. На уровне содержания для текстов такого рода характерна интерпретация фактов, заменяющая сообщение об этих фактах (*...и тогда Кремль понял, что...*) и т. д.⁶

Псевдодиалогический режим повествования характерен в первую очередь для публицистических текстов на бытовые темы (здоровье, семейные отношения, мода). Реже встречаются тексты такого рода в политической и деловой журналистике. В целом псевдодиалогический режим характерен для тех жанров журналистики, которые имеют своей основной целью активное и прямое воздействие на адресата. Это тексты рекламного или дидактического характера, а в политической журналистике — скрыто или явно агитационные тексты, главной задачей которых является не информирование, а навязывание читателю точки зрения автора.

В текстах псевдодиалогического типа диалогические наклонения встречаются нередко. Здесь можно встретить императив 2-го лица (вне контекста прямой речи), здесь широко представлены диалогические типы *пусть*.

Газированную воду детям до 3-х лет не следует даже пробовать. Газ образует пузырьки воздуха, из-за которых происходит вздутие желудка. Школьника трудно отговорить от газировки: на него действует психология «стаи» — эти напитки рекламируют по телевизору, их пьют его друзья... Но **пусть** газировка будет хотя

---

⁶ В работе [Падучева 1996: 335] сходное явление названо *несобственной прямой речью*.

бы напитком не каждодневным. И выбирайте ту, где вместо сахара добавлен аспартам или ксилит. А правильное приучить ребенка пить соки, нектары, фруктовые напитки — в них меньше сахара, и нет красителей, как в газированной воде. (АиФ, Семейный совет, Здоровье)

Госкомпании собрались на мировой финансовый рынок. Чтобы продать часть акций. Через IPO. Правительство поддерживает. Рассчитывая, что выручка пойдет на инвестиции...

Уверен: читатель умный. Много знает. И все же несколько слов про IPO. Так, на всякий случай.

Initial Public Offering — первичное размещение акций. На фондовых биржах. Придумали англичане и голландцы. Еще в семнадцатом веке. Сейчас — популярный механизм привлечения капитала. [...]

То же, кстати, происходит и в других странах. Тамошние госкомпании регулярно заглядывают на рынок. Забирают финансы. Да еще какие! В прошлом году разместился один из китайских госбанков. Поднял больше 9 млрд. долл. Туда же отправились Gaz de France и Electricité de France. Контролируются, известно, французскими властями. Сообща добыли около 12 млрд. долл. Круглая сумма. Приятная на ощупь.

Где размещаются? Россияне предпочитают Лондон. Хотя есть еще Нью-Йорк. Где денег, понятно, навалом. Но, оказалось, и мошенников тоже. Из-за них биржа стала придиричливой. Эмитентов там гоняют. Нешадно. Как матерый доцент первокурсника. Времени жалко. Да и накладно. В Европе комфортнее...

Плюсы IPO очевидны. Казалось бы, какие вопросы? Государство продает собственные активы. Получает деньги. И вправе делать с ними что угодно. Например, вкладывать в бюджет. Чтобы потом проесть. Или опускать в Стабфонд. Замораживать. А может оставить «своим» компаниям. Еще больше укрепляя госсектор.

Правильно. Но один вопрос все же есть. В ходе IPO акции попадут в частные руки. Получится приватизация. Раз так, деньги положено сдавать в бюджет. А он, похоже, останется ни с чем. Все достанется госкомпаниям...

Хозяин, конечно, барин. Хотя, согласитесь, необычный. Располагается общественным добром. Потому лучше бы спросить у народа. Не напрямую. Через депутатов. Пусть примут специальные законы. А уж в них расписать — кому сколько причитается. После IPO. Поделить разумно. Не обижая бюджет.

Вариант симпатичный. Но, видимо, нереальный. Будет иначе: госкомпания не отдадут ни копейки. Потому что такова линия властей. Суть: чем больше у государства экономики, тем лучше. IPO подоспело вовремя. Даст ресурсы на инвестиции, погашение долгов и дальнейший выкуп частного бизнеса. Все логично.

Похоже на еще один национальный проект. Самый сокровенный. Власти о нем молчат. Не поминают в своих программах. Только действуют. Решительно. Слаженно. Эффективно... Может быть, я ошибаюсь. И никакого плана нет. Но получается именно так. По факту.

Замечу: идут в полном одиночестве. Даже без родной Белоруссии. Уже писал об этом. Почти год назад. С тех пор прошагали еще дальше. Куда и зачем? Неизвестно... (А. Лившиц: IPO — спектакль для взрослых. Цыганочка с выходом)

В следующем отрывке можно увидеть как черты псевдиалогического режима, так и мимезис (в конце):

Не знаю, как вас, уважаемые читатели, а меня подобные «острые приступы патриотизма» охватывают трижды в год. [...]

Второе обострение происходит во время «телемостов со страной». Некоторые, я знаю, злятся, глядя на это зрелище, когда «простые люди из глубинки» смело задают своему президенту лояльные вопросы, а он честно и открыто на них тут же и отвечает.

Я никогда не злюсь, честное слово. Мне это напоминает современный вариант подачи «челобитных». То мальчик компьютер попросит, то девочка захочет иметь щенка от любимой собаки президента... Одна настырная бабуля два года на всю державу добивалась проведения водопровода в свою деревню — и добилась таки! Президент так тамошнему губернатору и заявил — либо тот двадцать километров труб в правильном направлении в землю закопает, либо — голова с плеч... ну, или, с уче-

том эпохи и общего либерального курса, кресло из-под попы. Что для многих, к слову, пострашнее будет. Кто бы сомневался — трубы закопали так, как надо, и там, где надо. Вода течет — почти минеральная. Ну еще бы... Осунувшийся губернатор разве что сам за рычагами экскаватора не сидел сутки напролет. Короче говоря, сюжеты на тему «детям — мороженое, бабе — цветы» обречены у народа на успех изначально. А ехидные либералы **пусть** помолчат хоть немного. Вода в деревне течет, парня от компьютера не оторвешь, щенок уже мимо миски не промахивается и на кличку прибегает радостно. Кому от этого плохо? Всем от этого хорошо. Реальные дела реального президента. Пацан сказал — пацан сделал. Когда срок правления закончится — любая мелочь важна будет, есть у меня такие подозрения... (Игорь Субботин. Совершенно секретно. 09.02.2006)

Как обстоит дело с уступительным значением *пусть*? Его употребление в публицистике не ограничено контекстами диалога и псевдиалога. Уступительное *пусть* широко распространено в контекстах любых типов.

уступительное *пусть*

Инвестиции в Турин, как ожидается, обернутся туристическим бумом. Благодаря новым подъемникам и лыжным трассам город по степени туристической привлекательности будет не менее популярен, чем Рим, Венеция и Флоренция. Это давняя, многовековая мечта Турина — стать «второй столицей» Италии. **Пусть** только туристической, финансовой, экономической — но столицей. (Иван Немец, ИА «Росбалт»)

Итак, в устной речи мы нашли все типы *пусть*; в публицистике тоже имеются все, однако, кроме уступительного, все значения ограничены контекстами прямой речи или ее имитации, то есть диалогическим режимом.

Посмотрим теперь на те типы дискурса, где наличие прямой речи или имитации прямой речи менее вероятно.

Можно предположить, что таким дискурсом является научный. Мы обратились к корпусу учебно-научных текстов Национального корпуса русского языка, не принимая, однако, в расчет тексты науч-

но-популярного свойства (например, из журнала «Знание-сила»). Эти статьи обычно сильно отличаются по манере речи от собственно научных текстов, приближаясь скорее к публицистическим. Необходимо также оговорить, что практически все примеры, рассмотренные нами, были из статей и монографий, относящихся к негуманитарным областям знания; в гуманитарных научных текстах, возможно, ситуация будет иной. Ниже дана статистика употреблений *пусть* в научном стиле речи.

Употребление *пусть* в корпусе научной речи (ruscorpora.ru)

всего документов	всего найденных контекстов	императив	нонкуратив	пермиссив	оптатив	предположение	уступка	всего посчитанных контекстов
3572	800	1	—	—	—	66	2	69

Сопоставим частотность: в устной речи на 686 документов мы обнаружили 1000 примеров употребления *пусть*, в публицистической — на 2545 документов — 3000 примеров, а в научной на 3572 документа — 800 примеров. Частотность употребления *пусть* в научной речи, тем самым, значительно ниже. К сожалению, в Национальном корпусе отсутствует возможность узнать количество словоупотреблений в подкорпусе, а документы могут быть разной длины. Статистика, таким образом, неточна, но все же показательна, тем более что научные тексты, как правило, объемнее, чем устные, и, вероятно, чем публицистические.

Еще более показательным является распределение значений. *Пусть* предположения (*Пусть имеется несколько многоугольников...*), которое вообще-то является довольно редким (например, нам не удалось найти примеры такого рода в публицистике), в научных текстах встречается исключительно часто. Поиск в Национальном корпусе русского языка, ограниченном корпусом учебно-научных текстов, дает огромное количество примеров именно этого употреб-

ления; притом что, если просматривать примеры *пусть* на всем корпусе, контексты *пусть* предположения крайне редки сравнительно с другими типами *пусть*.

Пусть в исходной задаче имеется несколько одинаковых машин (соответствующие строки в матрице T совпадают). В некотором расписании S **выделим** набор множеств работ, назначенных на одинаковые машины. Расписание S' , полученное произвольной перестановкой элементов этого набора, назовем симметричным по машинам расписанию S . **Пусть** в исходной задаче имеются несколько одинаковых работ (соответствующие столбцы в матрице T совпадают). В некотором расписании S среди размещенных работ выделим набор одинаковых работ. Расписание S' , полученное произвольной перестановкой элементов этого набора, **назовем** симметричным по работам расписанию S . Расписания, являющиеся симметричными по машинам и (или) симметричными по работам, **назовем** симметричными. [Э. А. Мухачева, Э. Ю. Орехов. Точный алгоритм составления расписания для одностадийной системы с независимыми параллельными машинами // «Информационные технологии», 2004.02.23]

Пусть предположения — очень интересная единица с точки зрения текстового режима, в котором она используется. С одной стороны, конструкции такого рода совершенно нехарактерны, скажем, для диалога. Их можно представить себе в устной речи, но скорее в жанре научного доклада или лекции, то есть речи подготовленной, неспонтанной и монологичной. Уже в научной дискуссии употребление такого рода *пусть* кажется маловероятным. *Пусть* предположения характерно именно для письменной речи. Значит ли это, что *пусть* предположения является принадлежностью классического нарратива? Безусловно, нет. Это *пусть*, как и другие, не нарративно. Прежде всего потому, что *пусть* предположения сохраняет перформативность: говорящий пытается самим фактом своего высказывания заставить слушающего считать некоторую ситуацию истинной, что возможно лишь в текстах канонической речевой ситуации. Рассмотрев приведенные примеры, мы видим, что этот характерный преимущественно для негуманитарных наук тип научного рассу-

дения представляет собой ситуацию побуждения: адресата заставляют последовательно проделывать ряд мыслительных операций вместе с говорящим (*сформулируем..., рассмотрим..., выделим..., назовем...*). Пусть, как правило, является зачином такого рассуждения, поскольку моделирует, создает тот воображаемый мир, в котором адресат должен действовать вместе с говорящим. Тем самым и соответствующий текстовый режим является моделированием диалогического в неканонической речевой ситуации, напоминая тем самым псевдиалогическую манеру изложения в публицистике. Аналогом *пусть* предположения является слово *допустим* — эта единица играет сходную роль в текстах других, ненаучных стилей. В следующем примере *допустим* также является актом создания некоторой виртуальной ситуации, побуждением к адресату считать ее истинной:

Но никакого «мазохизма» я в этом не вижу. Это здравая политическая позиция — получить доверие президента, чувствовать себя нормальным элементом политической системы. Для любого политика должно представлять интерес получить такого рода оценку своей деятельности. — **Допустим**, какому-то губернатору президент не доверяет. Что тогда с губернатором будет — отставка и дележ собственности? — Губернатор, видимо, уходит в отставку. Но я хочу подчеркнуть, что закон нацелен не на систему репрессий, а на построение нормальной вертикали власти. [Губернаторы жаждут доверия // «Эксперт», 2004.12.06]

Итак, в научных текстах практически отсутствуют примеры диалогических *пусть*, совсем немного и уступительных, но зато очень высокой частотностью обладает *пусть* предположения, которое, с нашей зрения, представляет собой своего рода игру в диалогичность в нарративном, вообще говоря, тексте.

Помимо научных текстов, мы просмотрели еще некоторые типы дискурса, в которых трудно ожидать прямую речь.

В подкорпусе производственно-технических текстов, впрочем, весьма небольшом (24 текста), не нашлось ни одного примера употребления *пусть*.

Подкорпус официально-деловой речи дал весьма показательные результаты.

**Употребление *пусть* в корпусе официально-деловой речи
(ruscorpora.ru)**

всего документов	всего найденных контекстов	императив	нонкуратив	пермиссив	оптатив	предположение	уступка	всего посчитанных контекстов
994	21	5	1	—	6	—	9	21

Бросается в глаза очень низкая частотность *пусть* по сравнению со всеми предыдущими типами текстов. Наиболее употребительным впервые оказывается уступительное *пусть*, что тоже хорошо согласуется с нашим предположением о его нарративном характере. Что касается других значений, то оптативные употребления встретились в текстах-поздравлениях («Поздравление ветерану спорта»), в обращении к выпускникам, в военной присяге. Императивы присутствуют в письмах («Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны (1937—1960)»). Таким образом, диалогические *пусть* присутствуют лишь в тех (немногочисленных) документах, которые имитируют ситуацию прямого обращения к адресату.

Заканчивая статистический обзор, мы приведем еще некоторые данные по художественной литературе XX века. Были просмотрены тексты в жанрах «повесть» и «пьеса».

**Употребление *пусть* в корпусе художественной литературы 20-го века
(в жанрах *повесть* и *пьеса*)**

	всего документов	всего найденных контекстов	императив	нонкуратив	пермиссив	оптатив	предположение	уступка	всего посчитанных контекстов
повесть	245	2003	25	20	1	8	—	15	69
пьеса	41	211	60	14	—	9	—	5	88

Заметным является преобладание в пьесах императивных контекстов, что сближает ее с устными текстами, в которых тоже наблюдается преобладание императивных употреблений над всеми другими. В повестях, напротив, несколько больше уступительных. Эти два факта согласуются с нашим предположением о нарративности уступительного *пусть*, поскольку пьеса, как и естественно предположить, является имитацией диалогического текстового режима. Неожиданным является другое: общая частотность *пусть* в повестях хоть и незначительно, но превышает частотность *пусть* в пьесах (повести — одно употребление *пусть* на 5,2 документа, пьесы — одно употребление на 8,2 документа). Впрочем, как мы уже говорили выше, невозможность узнать количество словоупотреблений в подкорпусе делает статистику не очень прозрачной.

Итак, из всех названных нами употреблений *пусть* лишь уступительное встречается в текстах нарративного типа. Ниже приведен пример такого нарратива. Заметим, что *пусть* в этом тексте входит в ряд других средств, которые создают фигуру повествователя. В этом тексте, как и в большинстве художественных нарративов, несомненно присутствие говорящего, и многие элементы (эгоцентрические, в терминологии Е.В. Падучевой — Падучева 1996: 258-284) об этом присутствии говорят.

А не прошло ведь и нескольких месяцев с того мрачного майского дня 1887 года, когда в Шлиссельбургской крепости был повешен за подготовку покушения на царя Александра III двадцатидвухлетний Александр Ульянов, **не прошло и** нескольких месяцев, как родной брат казненного Владимир, **несомненно** представлявший себе весь ужас казни, тем не менее задумал и повел — **правда, иным путем** — несоизмеримо более настойчивую и уже неотвратимую подготовку. Строгость, **вероятно**, останавливает и страшит в первую очередь слабодушных, но слабодушные, **как известно**, революций не замышляют и сознательно в волнениях не участвуют. Хотя, **конечно**, волнения, разрастаясь, могут вобрать — и обычно вбирают — в свою орбиту и тех, кто первоначально не думал и не предполагал в них участ-

вовать. Бурденко, как, **пожалуй**, многие молодые люди почти всех слоев российского общества, вступавшие в жизнь в те теперь далекие годы, был проникнут **ПУСТЬ** еще смутным, **ПУСТЬ** до конца не осозанным, но уже неистребимым чувством недовольства общественным строем, его устоями, его охранителями. Укрепляясь, это чувство у одних людей — далеко не у всех — постепенно приобретало силу убеждения в необходимости разрушить, сокрушить этот строй, **чудовищно-бюрократический, несправедливый**, при котором **заведомо** неумные сановники, «толпою жадною стоящие у трона», имеют смелость, вопреки духу времени, действовать вместо самого народа. **И это в то время, как лучшие дети его, лучшие граждане**, способные при других обстоятельствах оказать **ценнейшие** услуги своему отечеству, своему государству, гибнут на каторге, **прозябают в ссылке или иными способами лишаются активного действия. Правда**, гибли и прозябали они уже не первое десятилетие. [Павел Нилин. Интересная жизнь (1969—1980)]

Приведем теперь в сводных таблицах статистические данные относительно употребления *пусть* в современных текстах разного типа.

В следующей таблице посчитаны данные, касающиеся общей частотности употребления *пусть*.

Частотность употребления *пусть* в текстах разных типов

	устная	публицистика	повесть	пьеса	научн.	офиц.-делов.	произв.-технич.
На какое количество документов приходится одно употребление <i>пусть</i> ?	1,5	1,2	8,2	5,1	0,2	0,2	0

В следующей таблице приведены данные по всем значениям *пусть*, как они представлены в текстах разных типов.

Распределение значений *пусть* в текстах разных типов

	устная	публицистика	научн.	офиц.-делов.	произв.-технич.	повесть	пьеса
всего документов	686	2545	3572	994	24	245	41
всего найденных контекстов	1000	3000	800	21	—	2003	211
императив	65	41	1	5	—	25	60
нонкуратив	11	3	—	1	—	20	14
пермиссив	—	—	—	—	—	1	—
оптатив	2	25	—	6	—	8	9
предположение	2	—	66	—	—	—	—
уступка	22	31	2	9	—	15	5
всего посчитанных контекстов	102	105	63	21	—	69	88

Исходя из всего, что было выяснено о функционировании *пусть*, кажется очевидным, что уступительное употребление *пусть* является вторичным по отношению ко всем другим. Нельзя ли подтвердить это соображение данными истории русского языка?

Обращение к текстам XX века показывает, что уступительное употребление *пусть* является довольно поздним приобретением. В текстах 1-й половины XX века мы находим только разнообразные диалогические значения *пусть* (побудительное, нонкуративное, оптативное), причем встречаются они как в контексте прямой речи, так и в псевдиалогических текстах, которые для риторики 19-го века весьма характерны. Приведем некоторые примеры:

императив

Кто готовится в государственные ораторы, — тот **пусть** изучает речи государственных ораторов, слушает их, как можно чаще бывает в обществе государственных людей; кто готовится в адвокаты, тот **пусть** не выходит из судебных мест, **пусть** ищет общества адвокатов... [В. Г. Белинский. Общая риторика Н. Ф. Кошанского (1844)]

н о н к у р а т и в

Итак, повторяем, **пусть** писатели, пережившие «золотой век», клеветают на нас ежедневно, говоря, что мы презираем отечественную историю вообще и историю отечественной литературы в особенности; **пусть** гимназисты пишат о ничтожности сочинений Ломоносова, Державина, Озерова, — мы все-таки будем стоять на том, что изучение истории России и русской литературы началось очень недавно и ожидает деятелей из современного поколения. [В. Н. Майков. Полное собрание сочинений русских авторов. Сочинения Озерова (1846)]

п р е д п о л о ж е н и е ⁷

Картина есть миг драмы, следовательно, в ней должно быть единство действия: надо, чтобы все и все столпились около главной мысли, чтобы они на плечах выносили ее на свет, чтоб она была тараном в сердце зрителя. Для меня изображение солдата, которого режут горцы, во сто крат занимательнее панорамы, на которой полки мух сражаются с полками блох... Упавши при вас в воду ребенок, я не ручаюсь, что вы не кинетесь спасти его; но **пусть** тонут люди в двадцати местах вдруг, вы, хотя бы плавали лучше финского тюленя, станете выбирать, кого спасти, рассуждать, как спасти, и они все успеют отправиться на жемчужную ловлю прежде, чем вы решитесь получить для них насморг. Таков человек! Гибнут тысячи в сражении, он и ухом не ведет; Лиссабон провалился, он танцует; холера у дверей, а он поет «За горами, за долами»; но разбей себе пьяница нос на мостовой, упавши пристяжная у вельможи — сейчас соберется около куча народу — и охать, и пособлять, и советовать, — таков человек! [А. А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)]

---

⁷ Этот пример можно было бы интерпретировать и иным образом: в современной речи аналогом этому предложению, по-видимому, была бы контрфактивная условная конструкция: *Если бы тонули люди в двадцати местах, вы бы стали выбирать, кого спасти*. Интересно, что употребление императивных форм 3-го лица в контрфактивных условных конструкциях засвидетельствовано типологически (например, в агульском языке), но не встречается в современном русском языке.

Есть также конструкции с нонкуративным *пусть* или *пусть* предположения, которые близки к современным уступительным употреблениям *пусть*:

Пусть он вас не любит, — есть такие люди, которые вас обожают и лучше умеют ценить, но вы не примечаете или не хотите примечать. [А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810)]

Тяжело быть самому несчастным, но видеть тоску того, кого любишь, и не мочь, не сметь разделить его горя — это просто мука! И **пусть** мы сблизимся, **пусть** ты полюбишь меня, — ведь сердца несчастливых легко открыты взаимности, они жадны излиться одно в другое! — чем отплачу я за твою искренность и горячность, кроме лишних печалей? Какую надежду принесу тогда на зубок новорожденной любви?.. Пепел и грезы! Нет, Лилия, тысячу раз нет! [А. А. Бестужев-Марлинский. Он был убит (1835—1836)]

Однако практически отсутствуют такие контексты, где *пусть* вводит не предикацию, а, допустим, определение (вроде следующих: Тем не менее газета отвечает на любые, **пусть** даже самые сногшибательные вопросы, при условии, что имеется общественно-познавательный интерес. [Вам из печки — себе дороже // «Встреча (Дубна)», 2003.03.10], являющихся сейчас весьма частотными). В статистической таблице мы разделили уступительные употребления *пусть* на два типа — предикативное и непредикативное.

всего документов	всего найденных контекстов	императив	нонкуратив	пермиссив	оптатив	предположение	уступ. предикация	уступ. оборот	всего посчитанных контекстов
238	822	32	22	—	16	3	3	-	76

Как видно из таблицы, если предикативное уступительное *пусть* встретилось в просмотренных контекстах 3 раза, то непредикатив-

ное — ни одного. Заметим, что, просмотрев все контексты употребления *пусть* за первую половину 19 века, мы нашли лишь один пример, напоминающий широко распространенные в 20 веке уступительные конструкции ⁸:

То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет — батюшки мои! — Это все равно, как, случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, **пусть** уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборвавшийся мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. [Н. В. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки (1831—1832)]

Больше ни одного примера, когда *пусть* вводит не полноценную предикацию, а некоторый ее «обломок», в текстах 1-й половины 19-го века мы не обнаружили. В подкорпусе 2-й половины 19-го века таких примеров тоже немного, но все-таки больше. Например, они встречаются у Достоевского:

Я подозреваю, что ты это нарочно сделала. — Да ведь не могла же я знать, что он придет с укушенным пальцем, а то, может быть, вправду нарочно бы сделала. Ангел мама, **вы начинаете говорить чрезвычайно остроумные вещи.** — Пусть остроумные, но какие чувства, Lise, насчет пальца Алексея Федоровича и всего этого! Ох, милый Алексей Федорович, меня убивают не частности, не Герценштубе какой-нибудь, а все вместе, все в целом, вот чего я не могу вынести. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]

Интересно, что почти все эти немногочисленные примеры устроены так же, как последний пример из Достоевского: пропозиция, которая вводится словом *пусть* (*остроумные*), дана в предыдущем

---

⁸ Это не единственное отличие в употреблении *пусть* в XIX веке от XX-го. Например, более частотными являются контексты с *пусть бы*; чаще, по-видимому, употребляется *пусть* предположения. Однако эти сюжеты останутся за пределами этой статьи.

предложении (...*начинаете говорить чрезвычайно остроумные вещи*. — *Пусть остроумные...*). Тем самым предложение с *пусть*, не являясь предикацией само по себе, все же отсылает к полной предикации, которая имеется в предыдущем высказывании.

В подкорпусе 1900—1930 годов примеров с уступительным *пусть* уже очень много и они не ограничены описанным выше контекстом:

Правда же его — любовь к родине, **пусть незрячая**, но великая.
[Владислав Ходасевич. Есенин (1926)]

Таким образом, становится совершенно очевидно, что нарративное употребление этого склонения развилось из диалогического, причем относительно недавно, в конце XIX века. Это ожидаемо — уже потому, что диалогический текстовый режим является первичным для человеческой речи по сравнению с традиционным нарративом.

Итак, большая часть значений *пусть* характерна для диалогического текстового режима. Многие особенности семантики конструкций с *пусть* делают эту единицу не подходящей для нарратива: перформативность (конструкции с *пусть* являются не дескрипцией, а попыткой изменить мир), выражение отношения говорящего к ситуации (желания, безразличия, прития), обращенность к адресату. Все те употребления *пусть*, которые являются попыткой, хотя бы и игровой, непосредственно повлиять на положение дел, нехарактерны для нарратива. К таким употреблениям относятся все, кроме уступительного.

Русское *пусть*, таким образом, является примером диалогического склонения, и при анализе особенностей его употребления необходимо учитывать этот факт. По словам Е. В. Падучевой, «Язык нарратива — это редуцированный язык; некоторые существенные единицы разговорного языка не могут быть употреблены в нарративе, по крайней мере в их первичном значении» (Падучева 1996: 199). В отношении *пусть* мы наблюдаем «редукцию» в нарративе всех первичных значений этой единицы; в нарративном тексте присутствует лишь то, которое является вторичным — уступительное. При этом даже те употребления *пусть*, которые, на первый взгляд, не ог-

раничены диалогом (уступительные), все равно несут на себе отпечаток прототипического *пусть*, представляя собой эгоцентрический элемент в нарративном тексте. Хочется сопоставить этот результат с выводом, к которому пришла Ю. Л. Кузнецова, анализируя употребление императива в русских условных конструкциях: «Основное отличие между конструкцией с *если* и квазиимперативной конструкцией состоит в дополнительном эмоциональном отношении, привносимом квазиимперативной конструкцией. Квазиимперативная конструкция используется, только если говорящий эмоционально переживает ситуацию». Н. М. Перцов [Перцов 2001], обсуждая инвариантное значение императива, одним из возможных инвариантов предлагает считать экспрессивность. Напомним, что «экспрессивность» является свойством именно канонического (диалогического) текстового режима (см. об этом, например, Падучева 1996: 336). Таким образом, диалогические наклонения, используясь в нарративе, сохраняют некоторые свойства, характерные для диалогического режима.

Библиография

- Бахтин М. М. 1979. Проблема речевых жанров // *Эстетика словесного творчества*. М.
- Гусев В. Ю. 2005. *Типология специализированных глагольных форм императива*. Дисс. ... канд. филол. наук.
- Кузнецова Ю. Л. Семантические и структурные свойства условной квазиимперативной конструкции // В печати.
- Падучева Е. В. 1996. Семантика нарратива // *Семантические исследования*. М.
- Перцов Н. В. 2001. *Инварианты в русском словоизменении*. М.: Языки славянской культуры.
- Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. 1994. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.